

ДЛЯ МЕНЯ этот дом не существует без дороги к нему. Она прекрасна, особенно запоздалой берлинской осенью. Туман растушевывает краски, и туннель золотисто-оранжевой листвы возникает как бы ниоткуда, из этого белого ничто. Твоя автомашина и рвется вперед, и словно стоит в рамке нежной акварели, набросанной струящимися, размытыми мазками.

Окрестности Ораниенбурга. Мелькает дорожный указатель поселка Лениц. Тогда, три с лишним десятилетия назад, он вот так же приветствовал, наверное, хозяина этого неброского, сложенного из кремового пестренького кирпича особняка. Так же скрипели ступени на второй этаж. Так же отбрасывала мягкое пятно света лампа под желтым абажуром.

Оглядываюсь. За письменным столом, там, где идет книзу скат потолка, прижался к стене широкий, с высоким изголовьем диван. Здесь был и кабинет, и спальня. Муза не служила хозяйку лишь с девяти до пяти — она могла постучаться сюда в неурочный час. С гравюры смотрит Томас Мюнцер, его любимый герой Крестьянской войны. В шкафу за стеклянной дверцей — фигурки зверюшек, населенных его детские сказки. На библиотечных полках облопотились один на другой томики Белинского, Чернышевского...

Я думаю о том, как можно было бы назвать того, кто прожил в этих стенах последние три года своей удивительной жизни, так переполненной событиями, свершениями, поворотами судьбы. Да и можно ли втиснуть в одно слово эту жизнь? Драматург, написавший более тридцати пьес, поставленных многими театрами мира. Революционер, которого не раз бросали в тюрьмы, и каждый раз его освобождала оттуда воля народа. Врач, создавший популярную по сей день библию здорового образа жизни. Немецкий антифашист, которого Гитлер объявил своим первейшим врагом. Офицер Красной Армии, награжденный за выполнение задачи командования орденом Красной Звезды, боевыми медалями и посмертно — орденом Отечественной войны 1-й степени. Преданный без страха и упрека друг Всеволода Вишневского, Бориса Лавренева, других наших писателей, а в более широком смысле — всего советского народа, так много сделавший для возрождения добрых чувств между немцами и нами...

Все это и многое другое вмещает в себя одно имя — Фридрих Вольф.

Сам о себе он сказал в одном из своих стихотворений куда скромнее — и бездонно емко: «Извините, что я человек...»

В эти декабрьские дни, когда в Германской Демократической Республике, у нас в стране, везде, где не утрачен интерес к истории мировой словесности, отмечают 100-летие со дня рождения Фридриха Вольфа, домик в Ленице не скучает без посетителей. Здесь разместился архив писателя. Но среди его гостей — не только ученые-филологи, деятели сцены, студенты театральных студий. В ГДР около 140 коллективов — библиотек, школ, больниц, воинских частей — носят имя Фридриха Вольфа. Их посланцы, чаще всего молодежь, круглый год нарушают здесь то, что принято называть архивной тишиной.

И подумалось с белой завистью: а много ли у нас, в Советском Союзе, таких групп, говоря теперешним языком — неформальных объединений, которые не просто хранят память — дышат идеями, мировоззрением наших литературных классиков? Писательские имена у нас все больше скрепляют с «неживыми»: улицами, площадями. Там все спешат — мимо табличек и часто мимо памяти.

Вместе с Эмми Вольф, руководителем архива и видным исследователем творческого наследия писателя, мы листаем страницы этой невероятной жизни. Наверное, даже неумяная фантазия самого Вольфа не могла бы наделить какой-нибудь персонаж его драмы судьбой, столь щедрой на приключения и испытания. Но была она, эта судьба...

НАЧАЛО нашего столетия. Четырнадцатилетнему гимназисту не сидится в тесной портняжной мастерской отца в городке Нойвид. Рукой подать — Рейн с гудками пароходов, с романтикой морских скитаний, вычитанной из книг. Прощай, дом родной, прощай, латыни, — и вот уже юный Фридрих — матрос на грузовом судне, взявшем курс на Голландию и дальше — в Гулль и Плимут, английские порты. Где же ты, вольница покорителя морей? «...Действительность выглядела иначе, — вспомнит Вольф через три десятилетия. — Мне приходилось егребать антрацит в угольной яме, плести канаты на средней палубе и чистить картошку в камбузе. Побоев доставалось больше, чем еды».

Возвращение в Нойвид — и снова бегство из дома. Юность Вольфа — это не написанный приключенческий роман. Кажется, юноша предпочитал свое литературное призвание и сознательно бросался за опытом в водовороты жизни. Только бы стремительней, только бы разнообразней! Он служил в Армии спасения и опять ходит юнгой на судах по Европе. Поступает в Мюнхене сразу и в университет, и в Академию художеств, изучая одновременно и медицину, и скульптуру. Гиппократ берет верх. Первая мировая застает Вольфа судовым врачом, плавающим на пароходах «Ллойда» в Северную Америку.

Западный фронт, ранения, контузия... Антигуманизм войны, этого массового планомерного убийства, потрясает молодого офицера, заставляет задуматься: кому выгодно гнать юность Германии под пуля, в оккупированные вшами окопы? В сознании Вольфа зреет идея главного противостояния века, во многом определявшая содержание его творчества — капитал против людей труда. И как внешнее, импульсивное выражение этого томящего души — чудовищный по тем, кайзеровским временам поступок. Военный врач отказывается везовать. Вольф убежден: не бинтовать белыми бинтами надо раны, а выбросить белый флаг пацифизма. Как бы мы сейчас сказали — классическое диссидентство. Расстрелять еретика? Все-таки в офицерском мундире... И Вольфа объявляют «психически больным», запирают в лечебницу...

Ноябрьская революция 1918-го взрывает монархию, рождает Веймарскую республику. Одновременно что-то сдвигается в мировоззрении врача тылового госпиталя в Дрездене Фридриха Вольфа: созерцанию несправедливости он предпочитает нелегальную революционную деятельность. Целитель становится политиком. Его избирают в Саксонский Совет рабочих и солдатских депутатов. Бои в Дрездене, Лейпциге, где он ведет за собой революционные отряды, и — арест. Дважды годами позже, когда рабочий Рур поднимается на вооруженное восстание, о Вольфа

К 100-летию со дня рождения Фридриха Вольфа

говорят не иначе, как о «красном генерале из Ремшайда». Он опять схвачен, приговорен трибуналом карательных войск к смертной казни. Рабочие спасают своего «генерала» — без их помощи ему не бежать бы из тюрьмы.

В своем эссе «Как я пришел к революционному пролетариату» Вольф потом напишет: «Все яснее мне становилось, что и в Германии, особенно при путанице, которую создавали реформисты и фашисты, коммунистическая партия является единственной партией, непоколебимо и четко представляющей интересы пролетариата». Ясность отливается в решение. В 1928 го-

ду нечем дышать среди этого коричневого смирада. Через швейцарскую границу тянутся следы одинокого лыжника. Позади — запрещенные пьесы, аннулированный паспорт. Впереди — эмиграция...

Но не было таких тягот, таких ударов судьбы, которые могли бы заставить Вольфа отложить перо. Напротив, именно в творчестве он видел свое оружие. Писатель отвергал эстетскую концепцию искусства, когда художник превращается в «ювелира по филигранию», украшающего собственное «я». «Искусство... как черная икра для народа? — восклицал Вольф в своем знаменитом заявлении 1928 года,

Владимир СИМОНОВ

ФАКЕЛ и ХЛЕБ

ду сорокалетний Вольф вступает в Коммунистическую партию Германии.

Это, так сказать, биографическая канва. Но рядом с Вольфом-революционером расправляет крылья своего таланта Вольф-художник. Оставим искусствоведам споры, отстают или не отстают эстетические взгляды писателя от его социального опыта. Связь здесь очевидна. Пока Вольф исповедует довольно обобщенное неприятие капитализма как виновника нищеты и войн, ему не удается вырваться за рамки экспрессионистической стилистики. Его ранние пьесы — «Это ты» (1919), «Свободный от условностей» (1919), «Черное солнце» (1921), «Тамара» (1921) — отдают предпочтение буйному пафосу, обличительному гневу перед прорисовкой характеров и динамизмом сюжета. Инсценировка идеи еще лишь тянется к высокой драматургии.

Всемирная известность приходит к Вольфу вместе с драмой «Дианистый кали» (1929), страстным протестом против печально знаменитого «параграфа 218», запрещающего аборт. Проблема для Германии тех лет была не медицинской, не нравственной — прежде всего остро социальная. В подвалах под ножами знахарей ежегодно погибали 20 тысяч матерей. По существу, параграф 218 был смертным приговором за бедность. «Дианистый кали» крикнул об этом на всю страну, если не на весь мир. Пьесу поставили на десятках ведущих сцен — от Москвы до Голивуда. В «Вечерней Москве» один рецензент так откликнулся на гостро-любопытный текст: «Вольф — один из лучших актеров, познакомившего советских зрителей с «Дианистым калием»: «Прежде всего сильна сама пьеса... Все типы, все положения, развертывание действия сделаны так, что кажутся куском, вырванным из жизни современного Берлина».

Рецензентом, похвалившим драму за «глубокий, выдержанный реализм», был Луначарский.

Еще год — и новый театральный триумф! Вольф заканчивает, пожалуй, самую любимую свою пьесу «Матросы из Каттаро» — о мятеже на австро-венгерском флоте в 1918 году. Казалось бы, недавняя, а все-таки история. Но почему за драму буквально хватаются театры Лондона, Вены, Цюриха, Амстердама, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса? В Москве ее переводит Всеволод Вишневский и ставит в Театре имени ВЦСПС А. Дикий. Обращение Вольфа в прошлое — лишь обманный ход автора, позволяющий усыпить бдительность германской цензуры. На самом деле это драматический анализ современных революционных событий в самой Германии, содержащий урок для социал-демократии всей Западной Европы. Вольф пытается понять: почему победа выскользнула из рук германского пролетариата в 1918-м и позднее? А в более философском смысле — по каким законам творится революция? Автор берет эпиграфом знаменитую фразу В. И. Ленина: «Никогда не играть с восстанием...» Позднее в статье «Почему я написал «Матросов из Каттаро» Вольф раскрывает свою главную мысль: «Если уж вы начали восстание, не поступайте так, как матросы из Каттаро, а поступайте так, как матросы из Кронштадта в октябре 1917 года!»

После постановки «Матросов...» в Штутгарте к драматургу с кривой улыбочкой скользят по паркету близкие к полицейским верхам «критики в штатском»: «Господин доктор, как бы вам не попласть головой за эту пьеску...» Арест под грубо сфабрикованным предлогом не заставил себя ждать. Но последствия были еще неожиданные. Перед штутгартской тюрьмой забухивала шеститысячная демонстрация. Популярность Вольфа вызвала симпатии даже из кое-каких органов буржуазной прессы. В какой уж раз ворота тюрьмы не выдержали воли народной.

А в Германии уже брали верх силы более зловонные, демонического порядка. Уже на рабочих сходках штурмовики со свастикой глумливо запускали в воздух надутые презервативы. Уже, как под каким-то массовым гипнозом, разом взлетели в фашистском «хайль» десятки тысяч ладоней. Вспыхивает рейхстаг. Кажется, вспыхивает, обугливается в нацистских кострах сама германская культура. Воль-

форов не всю жизнь определило его гражданскую позицию. — Нет! Сегодня нам нужен черный хлеб и трижды хлеб...»

В чем же состоит миссия творца? Мало кто в Германии ответил тогда на этот вопрос четко, категоричней Вольфа: «Быть совестью эпохи, смело выхватывать из пожара современности горящую головню и нести ее высоко, как факел».

Этот факел светит в те дни в домике на острове Бреа в Британии. Врач Вольф пытается поставить там диагноз той пронзительной боли, которая мучает лучшие умы Германии по сей день: как случилось, что страну Шиллера и Гейне увлек за собой Гитлер? Родается «Профессор Мамлок» (1933), шедевр немецкой драматургии. Имя его автора встает в один ряд с именем Брехта.

Советским зрителям старшего поколения еще памятна прекрасная актерская работа Межинского в фильме Минкина и Раппапорта, поставленном в 30-х годах по этой пьесе. Позднее пьеса возродилась в новой акризации, снятой режиссером Конрадом Вольфом, сыном писателя, и отмеченной премией на Московском международном кинофестивале.

Кажется, мировая критика уже осыпала «Профессора Мамлока» всеми восторженными восклицательными знаками, которые ему причитаются по праву. Но странное дело. Я вчитываюсь сегодня в реплики наивного, одержимого своим обывательским идеализмом доктора Ганса Мамлока, а мне слышатся наши, российские голоса, наши песни, доносящиеся из темного провала 1934—1937 годов. Конечно, пьеса Вольфа — страстное обвинение фашизму и тем, кто пытался сохранить в те дни свой политический нейтралитет. Но не только. При взгляде из сегодняшнего дня в «Профессора Мамлока» все четче проступает тема ответственности, прямой вины так называемых носителей массового сознания за утверждение любой диктатуры, за непротивление ее обволакивающей демагогии. А по коврам демагогии неслышно приходит террор...

В 1934 ГОДУ Вольф живет в двухкомнатной квартирке на пятом этаже дома № 8, что в Москве, в Нижнем Кисловском переулке. Эмигрантские скитания привели его в страну, где реализовывались идеалы, которым он посвятил свою жизнь. Но что-то немилосливое, не укладывающееся в сознании начинает происходить вокруг.

Арестован Сергей Третьяков — тот самый драматург Третьяков, давний друг, что был когда-то у Вольфа в Штутгарте и написал о нем теплый, чуть иронический очерк как о проповеднике здорового образа жизни. В Автономной Республике Немцев Поволжья взяли близкую соратницу Вольфа, немецкую коммунистку. Ей инкриминируют «связь с Леонардо да Винчи», ее избивают в тюрьме палками, умерщвляют ее ребенка. Какие-то слухи об этом, видимо, доходят до Вольфа. В одном из своих писем он роняет фразу: «Для нее сейчас страшное время...»

О том, как виделось писателю это страшное время, мне рассказывает Маркус Вольф, его старший сын:

— Родители, очевидно, знали больше, но для них понять, осмыслить это было труднее, чем нам, подросткам. Революционный дух, царивший в СССР, торжество марксистского мировоззрения, обретающего плоть в гигантских стройках, — вот что видел отец за тяготами и скудностью тех лет. Когда стали пробиваться первые вести о репрессиях — это считалось случайными издержками. Конечно же, подлинный террор, массовые преследования творились там, в Германии. Этим были заняты мысли отца. Но очень скоро разгул сталинщины коснулся его непосредственного окружения. Среди близких знакомых нашей семьи было много эмигрантов — революционеров, работников Коминтерна, профинтерна, — их ряды вдруг стали заметно редеть. Стали исчезать преподаватели, родители учеников московской немецкой школы имени Либкнехта, куда мы с братом ходили с 1934-го по 1938-й. А там учились также дети видных советских дипломатов, партийцев. Наконец, Третьяков, Михаил Кольцов, его жена Мария... Все — близкие друзья отца... Отец, конечно, уже не мог верить, что это «фа-

шистские агенты», «шпионы западных разведок». Но были и периоды, так сказать, отлива террора. Кого-то выпускали, и у нас рождалась надежда: «Сталин знает об ошибках, Сталин их непременно исправит».

К тому же оптимизм жизни был неистребим. Маркус Вольф вспоминает, как строилось тогда в Москве метро, Чкалов штурмовал полюс, а рядом с домом, в «Художественном», на Арбате, шли фильмы «Чапаев», «Мы из Кронштадта»...

— Все это создавало какую-то двойственность в восприятии происходившего, — размышляет он. — Казалось, само сознание загоняет мысли о страшном в свою самую дальнюю цель... В это время Брехт, Фейхтваангер, Цвейг искали такие объяснения процессам в Советском Союзе, которые сохранили бы их веру в гуманистические начала советского строя. А ведь эти писатели, мы знаем, не исповедовали идеологию коммунизма. Тем более в этом поиске был отец, коммунист, член партии. СССР оставался главной опорой в борьбе с фашизмом. С точки зрения отца, ничего важнее быть не могло...

Эта раздвоенность сознания, о которой говорит мой собеседник, не покидала Фридриха Вольфа всю жизнь. В марте 1953-го, когда пошли сводки о болезни генералиссимуса, писатель не находил себе места. «Я поеду в Москву как врач, как гомеопат, — звонил он сыну. — Буду лечить Сталина...» И в то же время Ева Сяо, жена известного китайского поэта Эми Сяо, а ныне депутат Всекитайского собрания народных представителей КНР, вспоминала в беседе со мной фразу Вольфа, произнесенную незадолго до войны: «Знаешь, я не стану сидеть здесь (в Москве. — В. С.) и ждать, пока меня арестуют...»

Конечно же, не это было главной причиной, почему писатель отправился тогда через Францию в Испанию. Неумный характер Вольфа, стремление быть в самом жарле революционного вулкана позвали его в ряды интербригад. Но птенцы уже закрыли франко-испанскую границу на замок. Подозрительный иностранец

нений, быть может, не набралось бы сегоднешних 16 томов.

Не увидели бы света его послевоенные пьесы, в том числе такие прогремевшие в ГДР, как «Доктор Лилия Ваннер» (1946), «Бургомистр Анна» (1950), трагедия «Томас Мюнцер» (1953), где развивается тема вины интеллигенции за взлет к власти фашизма, рассказывается о нови немецкой деревни, где современность смотрится в зеркало истории.

Может быть, труднее бы шло рождение киностудии ДЕФА — Вольф был одним из создателей этого центра демократического немецкого кинематографа, поставил там знаменитый фильм «Совет богов». Может быть, не так быстро нашло бы свой верный путь в новой Германии театральное движение, известное под именем Фольксбюне — Народная сцена, Вольф отдал немало сил его возрождению.

В период 1949—1951 годов у ГДР был бы другой посол в Польской Народной Республике.

Наконец, может быть, не настолько емко, полнокровен оказался бы «русский цикл» произведений Фридриха Вольфа, его рассказов, статей, писем, в которых звучит искренняя любовь драматурга к своей второй родине, его восхищение щедростью духа, присущей русскому, советскому характеру. Сделать все, чтобы связать нить добрых чувств, разорванную войной, — в этом писатель видел свой святой долг. «В том, чтобы объяснять моим немецким землякам, что в советском народе они могут иметь своего лучшего друга, я вижу часть своей жизненной задачи, — писал Вольф литературоведу Александру Дымшицу в декабре 1948 года. — Поклонитесь от меня Вашей прекрасной великой мужественной Родине, а также моим друзьям в Советском Союзе».

Тогда, в 1939-м, вторая родина не оставила Вольфа в беде. Наше правительство предоставило ему советское гражданство, выразив тем самым из концлагеря Верне, Фридрих Вольф смог вернуться в Советский Союз. Он принимал участие в боевых операциях Красной Армии, был награжден за это советскими орденами и медалями, после победы строил новую Германию, отдавал всего себя и творчеству, и круговороты общественных дел, и семье и успел совершить все, даже, по-моему, более того, что было предначертано ему удивительной судьбой, будто спрессованной Всевышним из десяти в один.

Прошло сто лет со дня рождения этого человека. В зале школы в Карл-Маркс-Штадте я видел, как взрывается аплодисментами зал, как загораются глаза юных немцев, когда со сцены летит к ним страстный призыв Вольфа к правде, и только правда, в политике, искусстве — в самой жизни. Книги писателя не попали, как он иронизировал, в огнеупорные сейфы бетонированного музея. Их читают, переиздают, ставят на сцене, экранизируют. В Берлине мне довелось посмотреть рабочий вариант нового телевизионного фильма о Вольфе, снятого режиссером Львом Хоманном. — Он мог бы заинтересовать, по-моему, и советских зрителей. Хоманн также автор прекрасного научно документированного альбома «Фридрих Вольф».

В свой 100-летний юбилей писателю есть что сказать потомкам, постигающим мир на дисплеях компьютеров и через иллюминатор космического «челнока».

...Вчера на стене дома, что по Нижнему Кисловскому переулку, торжественно открыли мемориальную плиту. На медальоне из черного гранита два профиля — Фридриха Вольфа и Конрада Вольфа. Они смотрят на улицы Арбата и дальше, в сторону Переделькина, где прошли годы, навечно связавшие их судьбы с нашей страной.

БЕРЛИН — ЛЕНИН —
КАРЛ-МАРКС-ШТАДТ —
МОСКВА